

Перевод как коммуникационный мост: Заокская Библия и будущее русской библеистики

Перевод — это мост между священным прошлым и актуальным моментом читателя. Читатель знает одну реальность: свой опыт. А библейский текст отсылает его в невероятную древность, где ничего невозможно считать саморазумеющимся.

Пятидесятница до конца не отменяет проклятие Вавилонской башни. Греческий язык апостолов — это не гекзаметр Гомера, не изящная словесность филологов. Это *уже перевод*, редуцирующий дистанцию, попытки догнать неумолимо удаляющееся от нас прошлое. В этом есть и надежда: свидетели Воскресения говорят нам на неродном для них языке. Самим своим характером Завет Иисуса Христа показывает, что он априори переводим, динамичен, мобилен. Что его культурная оболочка заменяема, а суть доносится не словами только, но Духом Святым. Что хотя Господь наш родился от еврейки и говорил на арамейском, но изначально пребывал с Небесным Отцом. И приготовил нам неизреченные слова.

Библейские теофании делают эти моменты в прошлом абсолютно необходимыми для сегодняшней веры. Эти посещения священных *времен* являются для библейского верующего заменой паломничеств к *месту, которое избрал Господь*, чтобы явить Себя Своему народу.

В какой последовательности возникают разные переводы Библии? Сначала идут буквальные. Буквализм воспроизводит священное прошлое. А дальнейшие пересказы стремятся подобрать смысловой аналог, близкий читателю.

ЧТО ТАКОЕ ЗАОКСКАЯ БИБЛИЯ

Этим переводом адвентисты навсегда вписали себя в историю русской библеистики.

Главная его заслуга в том, что он вообще состоялся, окончен и увидел свет. Работа над ним продолжалась четверть века — 23 года. Вместо первоначально планируемых пяти. Основатель Института перевода Библии Михаил Кулаков не дожил пять лет до окончания проекта, и работу возглавил его сын. Перевод Библии всегда оказывается невообразимо более сложным делом, чем представлялось поначалу.

В работу над переводом вовлекались ученые из протестантских, православных и иудейских кругов. С положительными отзывами выступили специалисты из России, Беларуси и Израиля.

В этих отзывах преобладает мысль, что *Заокская Библия* (термин Андрея Десницкого, далее ЗБ) стремилась сделать библейский текст более понятным для широкого читателя. Это в первую очередь протестантский приоритет в восприятии Священного Писания. Синодальный перевод (СП) также имеет и протестантский, и иудейский след.

Предисловие к ЗБ определяет ее как перевод для назидательного личного усвоения и публичного чтения на богослужениях и светских собраниях. Она вышла в свет в 2015 году. Это третий после СП 1876 года и перевода Российского библейского общества (РБО) 2011 года полный перевод Библии на русский язык, выполненный в России. Также

в 2015 году вышла вторая редакция перевода РБО и «Новый завет по тексту большинства». Эти публикации размывают монопольное, кажущееся «каноническим» положение СП.

КТО «ШИРОКИЙ ЧИТАТЕЛЬ» НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ

В первую очередь это размывание заметно в протестантских кругах, где личное чтение Библии рядовыми верующими в ряде конфессий считается неотъемлемым элементом благочестивых практик. Здесь новообращенные (а львиная доля постсоветских протестантов — это верующие в первом поколении, не имевшие религиозного воспитания в семье) еще меньше ориентированы на традицию и преемственность, чем среднестатистический постсоветский иудей, православный или католик. Их (особенно в первые годы после уверования) мало интересует история Церкви, межконфессиональные отношения, государственная политика в области религии. Новообращенный представитель позднего протестантизма озабочен своими личными отношениями с Богом, где (зачастую произвольно) толкуемый библейский текст играет едва ли не центральную роль.

Для вчерашних квазиатеистов — сужу по горожанам востока Украины — православная традиция и ментальность зачастую оказывается непонятной и чуждой. Религиозное обращение здесь переживается как сверхъестественное событие, чуть ли не центральный поворот жизненного пути, имеющий самостоятельное значение. В противовес «непонятной» православной литургии часть таких богоискателей обращается к протестантской религиозности в поисках «современной» веры. По ряду религиоведческих источников, в 2000-х годах количество пятидесятнических и харизматических общин в ряде местностей Донецкой области превышало количество православных приходов. В таких общинах рациональность как способность верующего *понимать* учение церкви занимает важное место. Такая осведомленность видится протестантом как основание своего христианского достоинства, места в церкви и даже права на спасение: вспомним лозунг европейской Реформации «каждый верующий — священник».

Ситуацию усугубляет и постепенное ослабление конфессиональной идентичности у протестантов, преимущественно у молодежи. На этом фоне еще один тезис реформаторов «только Библия» трансформируется в убеждение, что все (как минимум евангельские) церкви учат «в принципе об одном и том же» (по большому счету жизненно важно знать лишь о Голгофской жертве Иисуса), поэтому широкого читателя-протестанта должно интересовать не учение конкретной церкви, а «Библия, как она есть». Особенно в среде пятидесятнических и харизматических верующих, где видимым «залогом спасения» предстают сверхъестественные способности верующего типа глоссолалии, восприятие библейского текста смещается от поиска спасения (говорящий «на языках» считает, что таковое уже обрел) к подбору мотивирующих историй (в таких кругах популярны пожелания в стиле: «будь храбрым, как Давид!»), жизненных принципов (оказывается, от Божьего Закона и христианам никуда не деться), обличения личных и общественных пороков «греховного мира». Эта масса считающих себя христианами вчерашних коммунистов и комсомольцев вращается в среде, где библейский текст оказывается коммуникационным каналом для общения с верующими других конфессий и творчески прилагается к большинству жизненных ситуаций.

Понятно, что доминирование СП там будет вынужденным и временным. Зарубежные евангелисты отвечают на интерес молодежи к английскому языку: курсы с таковыми носителями языка с начала 1990-х были и остаются распространенным миссионерским инструментом. В результате ряд молодых протестантов как минимум сличает СП с какой-нибудь New International Version.

На западе и в центре Украины популярны украинские переводы Писания¹: Ивана Огиенко для догматических изысканий, Рафаила Турконяка, Александра Гыжи и Ивана Хоменко для кафедрального чтения. Автор знаком с адвентистским пастором предпенсионного возраста родом из Черновицкой области, чьим знакомым с детства переводом Писания был труд Пантелеймона Кулиша и Ивана Пулюя 1871 года.

Кладезем возможностей для сравнения переводов стали компьютерные программы вроде «Цитаты из Библии». У автора статьи среди модулей к этой программе есть 24 перевода на английский, 18 переводов Библии и ее частей на русский, 7 на украинский, 1 на белорусский и объем справочной литературы, о котором большинство советских верующих не могло и мечтать.

Современные переводы нужны и для миссионерской работы. Они не архаизируют богословскую терминологию и мышление верующего.

Многоязычный подход к священному тексту обусловил интерес таких верующих и к русским переводам. В протестантской среде заметили и перевод Международного библейского общества, и Новый завет под редакцией М. Кулакова.

Событием стал выход сначала «Радостной вести» Валентины Кузнецовой, а потом и всей Библии в переводе Российского библейского общества 2011 года. Во-первых, целая Библия всегда заметнее, чем один из многих переводов Нового завета. Во-вторых, появлению перевода РБО предшествовала информационная подготовка. В-третьих, в этом переводе очевиден «отказ от почтительного и архаизирующего отношения»² к священному тексту, заданного СП. Пуристы вроде Иллариона Алфеева многое ставят такому подходу в вину, называя стиль Кузнецовой «жаргоном кабака»³.

Однако перевод «Радостная весть» была принят рядом церковных людей, особенно в протестантских кругах, где, как уже говорилось, более востребована не традиция, а чаемая актуальность веры. Даже потеряв миссионерскую динамику 1990-х, постсоветский протестантизм остается фактором общественной жизни в Украине, Латвии и на Дальнем Востоке Российской Федерации. А *массовая* аудитория как социальное явление сформирована не классической литературой (и культурой в целом), а средствами *массовой* информации. Журналистская эстетика (да будет мне позволено употребить такое выражение) сориентирована на быстрое восприятие сообщения максимальным количеством реципиентов. Здесь красиво то, что считает таковым предполагаемый массовый зритель, читатель, слушатель. В этом смысле «Радостная

1 Балаклицкий М. Протестантське книговидання в Україні: переклад як комунікація // Гуманитарные научные исследования. – Ноябрь, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2012/11/1962>.

2 Ермольцев Д, Валентина Кузнецова: смешное в Библии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://polit.ru/article/2015/08/09/kuznetsova/> [опубликовано 9.08.2015 года].

3 Алфеев И. Язык Учителя и жаргон кабака. Перевод Евангелия должен быть точным и благоговейным [Электронный документ] / Российское библейское общество. — Режим доступа : <http://biblia.ru/reading/articles/show/?8&start=0>.

весть» нащупала другой — массовый, возможно, даже низовой — пласт перевода библейского текста на русский язык, воспринимаемого вот такой частью постсоветских христиан.

«Радостная весть» несравнимо более, чем СП, соответствует восприятию библейского текста (да и Бога Библии) многими молодыми (в прямом и переносном смысле) верующими из протестантских церквей постсоветского пространства. Это восприятие не отягощено страхом перед адскими муками (как учат такие церкви, «*всё* для твоего спасения *уже* совершил Иисус на Голгофе»), Бог предстает не грозным судьей, а другом и партнером в жизненном пути.

Сатана побежден, и верующий призван не к противостоянию с силами зла в мире и самом себе, а к самовыражению. Достижению успеха во всех сферах жизни и участию в преобразовании («улучшении») мира. В такой перспективе актуальная социальная реальность — это не *мир, весь лежащий во зле* (см. 1Ин.5:19) и как таковой осужденный Господом на уничтожение, а место приложения творческих сил современного верующего. Числя себя компаньоном самого Бога, такой христианин не склонен слишком категорично судить ни себя, ни других. В его сознании найдется место и для иронии (проповеднический стиль харизматических церквей немислим без юмористического компонента), и для просторечия типа «*Всякий, кто настолько “продвинул”, что уже не держится учения Христа, тот без Бога. А кто держится учения, у того есть и Отец, и Сын*» (2Ин.1:9, перевод РБО).

Беллетристическим выражением такого мышления является популярный у многих молодых протестантов роман канадца Уильяма Пола Янга «Хижина» 2007 года (русский перевод: Эксмо, Домино, 2011), где образ Бога довольно далек от церковных канонов. При этом украинский перевод романа вышел в 2011 году в межпротестантском издательстве «Книгоноша» и был представлен на Киевском международном фестивале христианской книги самим автором.

Поиск новых переводов объясняется и избыточной привычностью СП. Как для массового сознания номинальных православных есть только одна «нормальная» конфессия (другие они нередко и затрудняются назвать), так и нельзя признать нормальной ситуацию, когда СП для многих протестантских верующих отождествляется с библейским текстом *как таковым*. Образно говоря, оконное стекло (посредник, канал) перестает свидетельствовать о пейзаже перед домом, оттягивая на себя всё внимание наблюдателя. На втором десятке церковного стажа при регулярном чтении Писания для нужд служения и личного благочестия автор этих строк почувствовал, как текст СП уподобился полированной поверхности: чтение становилось чем-то вроде декламации про себя, а ставить вопросы к тексту, проблематизировать его было всё сложнее. Если бы такое происходило при чтении подлинника, пути выхода были бы иными: усилить заучивание, чтобы размышлять, цитируя фрагменты по памяти. Но речь-то о переводе — априори несовершенной попытке сообщить не владеющему языком оригинала о содержании священного текста.

В этом смысле перевод РБО «пришелся ко двору». Нет сомнений, что он не имеет меры буквализма, которой обладает СП. Но обладание им создает эффект стереоскопического видения, когда припоминаемый вариант СП читатель сравнивает с хлесткими и смелыми выражениями из перевода РБО. Что довольно часто позволяет достичь большего

понимания текста (точность этого понимания всегда относительна), нежели в случае с эмоциональной, жанровой и стилистической недифференцированностью библейских книг в СП. Словарь же СП был устаревшим еще до выхода этого перевода в свет: в пушкинском «каноне» как будто нет ни *разверзания ложесен*, ни *кольми*, ни *восклонитесь* (что, оказывается, означает не поклон (опускание), а поднятие лица — поиск общего корня нимало не помогает, как и в случае с глаголом *заушать*, относящимся не к ушам, а к удару по лицу).

Автор этих строк неоднократно использовал Новый завет под редакцией М. Кулакова и перевод РБО для чтения на богослужении (не во время проповеди). В 2012 году он узнал о следующей инициативе Адвентистской церкви: читать по библейской главе в день, начиная с Бытия, с таким расчетом, чтобы окончить чтение Откровения летом 2015 года на всемирной сессии Генеральной Конференции — высшего административного звена этой конфессии. Чтобы упорядочить свое чтение и не сбиться с ритма, он стал записывать ежедневные подкасты — аудиокомментарии на поточную главу — и публиковать в своей интернет-газете «Путь». Какой перевод брать за основу, сомнений не было — только РБО.

В КАКОМ КОНТЕКСТЕ НАХОДИТСЯ ЗАОКСКАЯ БИБЛИЯ

Публикация первых ее частей — Нового завета в 2000 году, Пятикнижия в 2009-м — показала, что поначалу переводчики двигались от СП. Стремилась приблизить библейский стиль к нормам русской речи, заменить синонимами тавтологические обороты, показать варианты перевода сложных мест, отделить поэтические фрагменты от прозаических, обозначить ссылки в апостольских Писаниях на Моисея и пророков, добавить поясняющие вставки. СП содержит краткий анонс глав, а здесь имеем вступление к каждой книге и заголовки тематических частей, которых может быть несколько в главе.

Полная ЗБ приобрела как будто более самостоятельный от СП характер: выровнялось оформление, заметна сквозная проверка предлагаемых лексем, указания на буквальный перевод перестали так сильно напоминать СП. Последний «официальный» след СП здесь — текст Декалога.

Обилие примечаний (ценных и интересных) утомляет. Еще более препятствуют плавному восприятию текста вставные слова и фразы. Читатель постоянно спотыкается о них в попытках отделить слова пророка от слов переводчика. Первое подарочное издание не очень удобно: бумага очень тонкая, и при многократном листании туда-сюда мягкая виниловая обложка мешает отделять небольшие слои страниц. Хороши карты и ленточки-закладки.

ЗБ находится между буквалистским «молотом» СП и подчеркнуто модернизированной «наковальной» перевода РБО. По словам А. Десницкого, ЗБ «сочетает бережную традиционность с осторожным новаторством»⁴. Будем надеяться, что ей суждено стать мостом, средством примирения консервативной церковной общественности, стоящей за нерушимый, «канонический» статус СП, и молодых христиан, симпатизирующих экспериментаторскому духу перевода РБО.

4 Рецензии и отзывы на перевод [Электронный документ] / Институт перевода Библии имени М. П. Кулакова. — Режим доступа : <http://bible.zau.ru/translation/review>

В дальнейшем переводческая траектория ЗБ всё более сближается с переводом РБО. Они оба возникают в условиях, когда место буквального перевода на русский (опустим здесь слово «современный») язык прочно занято СП. Что бы ни говорили поборники буквализма, этим двоим и ряду последующих переводов остается одно — быть «смысловыми», поясняющими. Они на эту цель и направлены: их лексика в разы понятней и ближе горожанину XXI века, не имеющему богословского образования, не говоря уже о знании библейских языков. Оба имеют систему подстрочных ссылок. И если ЗБ по сравнению с первыми публикациями своих частей эти ссылки как будто немного «подсушила», оптимизировала, то во втором издании РБО 2015 года подстрочник существенно расширен и добавлена система параллельных мест.

Весь этот научный аппарат перевода РБО показывает его стремление составить настоящую альтернативу СП, обрести самостоятельный статус. Думается, по такому пути стоит идти и ЗБ. Без лишней скромности искать свою нишу, где она могла бы (для начала гипотетически) заменить СП.

Оба перевода стремятся уменьшить посредническую роль Септуагинты (и вообще эллинского влияния) в христианском восприятии Танаха. Это заметно в первую очередь в том, что в обоих переводах имена и топонимы «второго плана» приближены к ивритскому звучанию: *Шет* вместо *Сиф* в СП, *Бет-Эль* вместо *Вефиль*.

Итак, ЗБ — это консервативная модернизация СП, вписывание его в контекст актуальной западной библеистики. т. е. стратегия перевода РБО, но без резкостей, низовой лексики и демонстративного разрыва с монашеским духом русского православия.

Следующий необходимый шаг — подготовка пересмотренного издания СП на манер *New American Standard Bible*. Надо будет оставить основу буквального перевода, заменив устаревшую лексику и явные ошибки типа «дня воскресного» в Откр.1:10.

Максим Балаклицкий, доктор наук по социальным коммуникациям